

Summary

The given article deals with study and analysis of the concept GLAUBE in the novels by Gunther Grass. The author analyzes the structure of the concept GLAUBE and the method of his verbal representation. The concept GLAUBE is an integral part of G. Grass' conceptual.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual analysis, concept, artistic concept, verbal representation of concept.

УДК 81'42:82–3

Нестеренко К. В.,
кандидат филологических наук,
Национальный университет
“Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого”
(Харьков)

О ВЗАИМОСВЯЗИ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ФРАГМЕНТА РУССКОЙ КАРТИНЫ МИРА “СУД”)

Развитие теории и практическое описание различных концептов – широко распространенная и популярная область лингвистических исследований когнитивной лингвистики и лингвокультурологии последнего времени (Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, А. Вежбицка, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин и др.). Концепты, ментальные образования, содержащие в себе рефлексию в отношении важных культурных и мировоззренческих составляющих, таких как добро, зло, истина, любовь и т.п., фиксируются с помощью языка, и являются национально специфичными и общечеловечными одновременно. Называя, к примеру, слово “*правда*”, в сознании человека могут возникать различные ассоциации, связанные как с его житейским опытом (областью предметной действительности), так и ассоциации, связанные с языковой сочетаемостью – *искать правду, добиваться правды, нет правды на земле, своя правда* и др. [см., например, 2, 519]. Культурно-исторические, социальные и национально-специфические особенности, связанные с определенным словом и стоящим за ним понятием и комплексом ассоциаций, словом, являющимся, по определению Ю. Степанова, “сгустком культуры в сознании человека” [3, 43], определяют его значимость как концепта и являются маркерами культуры. Исследуя их, можно составить представление об определенном мировидении и мировосприятии, как-то индивидуальном, социальном, культурно-историческом, так и национальном.

Концепты обладают дуализмом – они соотносятся как с миром языка, так и с миром мышления. Переплетаясь, взаимодополняя друг друга, ассоциации как языкового, так и неязыкового характера формируют в сознании человека представления, содержащие рефлексию по отношению к называемому, то есть, того, что называется термином “концепт” в его лингвокогнитивном содержании.

Будучи ментальным образованием, в мыслительной деятельности человека концепт существует не сам по себе, как не существует отдельных

мыслей или не существует постоянного фиксированного значения слова в индивидуальном сознании. Все в нашем мышлении находится во взаимосвязи, и какое представление, либо какое из значений слова актуализируется в данный момент, зависит от множества факторов, как экстралингвистических, так и лингвистических. Психолингвистика подчеркивает индивидуальный и динамический характер человеческого сознания: “Сознание представляет собой моделирующую систему, способную к развитию и саморазвитию”, – пишет И. А. Бубнова [1].

Цель данной работы – описать взаимосвязь концептов, соотносящихся с концептом “суд” в русской картине мира на основе анализа некоторых произведений художественной литературы второй половины XIX – начала XX века.

В русской литературе второй половины XIX – начала XX века во множестве произведений разных жанров описаны сцены суда, обрисованы портреты судейских чиновников, показаны условия и результаты работы судебной системы, и все это в той или иной степени, влияет на судьбы главных героев. Сцены суда и работа системы правосудия описаны в крупных произведениях классиков русской литературы – Л. Н. Толстого, и Ф. М. Достоевского, и в произведениях малых форм – повестях, очерках и рассказах Л. Андреева, А. Куприна, И. Бунина, а также в публицистических произведениях В. Короленко и А. Чехова.

Изображение сцен суда может выполнять в произведении множество функций – быть самостоятельным объектом изображения, быть моментом, во время которого заостряется или происходит разрешение конфликта, проявляются характеры героев. Учитывая, что текст является сложным целым, состоящим из множества структурных элементов, представление о концептах формируется на основе множества факторов – композиции, сюжета, идеи, характеров, их поведения, речи, но в первую очередь, на основе авторских оценок, от которых, собственно и зависит вся архитектура произведений. Следует также учитывать и коммуникативные и культурологические особенности текста.

Прежде чем обратиться к анализу, заметим, что в обыденном сознании концепт “суд” связан с такими концептами, как “правосудие”, “преступление”, “процесс суда”, “наказание”, “судья”, “вина” и пр. Все названные концепты оказываются взаимосвязанными друг с другом тем или иным способом и в произведениях художественной литературы. Проанализируем, как эти взаимосвязи проявляются в текстах разных форм и жанров.

Процессуальным вопросам судопроизводства посвящены, например, главы романа Л. Н. Толстого “Воскресение” и рассказы Л. Андреева “Защита” и “Христиане”. Сюжет рассказа “Христиане” взят из реальной жизни. В одном из судебных очерков, опубликованном в “Русских ведомостях”, автор рассказывал, как во время судебного слушания одна из свидетельниц отказалась присягнуть, заявив, что она проститутка, нечистая, и поэтому не достойна целовать Евангелие. Л. Андреев использует данный сюжет и показывает, как судебная рутина превращается в фарс, когда и глава, и члены суда забыли, для чего они собственно собрались. “В здании суда было тепло, оживленно и весело для тех,

кто уже привык ежедневно, по службе, посещать этот большой дом, встречать знакомые лица, раскрывать все ту же чернильницу и макать в нее все то же перо. Перед глазами разыгрывались драмы, – они так и назывались "судебные драмы" – и приятно было видеть публику, и слушать живой шум в коридорах, и играть самому".

В понимании Андреева – суд – это действие, схожее на актерское. Слово "драма" в данном случае становится объемным, объединяющим все свои значения, – и как сценическое действие, и как несчастье, тяжкое событие, приносящее глубокие моральные страдания.

Рутину суда предана автором с помощью слова "привычный". И все, что до этого казалось настолько привычным, внезапно наталкивается на отказ женщины присягнуть. Теперь весь суд занят лишь тем, чтобы заставить женщину сделать это, напроочь забыв о рассматриваемом преступлении. Иронично, даже гротескно описано поведение участников суда, их высказывания, позы, ораторские приемы. Например, о стараниях адвоката читаем: "Затем он снова поворачивается к присяжным, окидывает их светлым и открытым взором и внезапно глубоко задумывается, опустив голову. Обе руки его подняты на высоту груди, глаза крепко закрыты, брови сморщены, и весь он имеет вид не то смертельно влюбленного, не то собирающегося чихнуть. И присяжные и публика смотрят на него с большим интересом, ожидая, что из этого может выйти, и только судьи, привыкшие к его ораторским приемам, остаются равнодушны. Из состояния задумчивости защитник выходит очень медленно, по частям: сперва упали бессильно руки, потом слегка приоткрылись глаза, потом медленно приподнялась голова, и только тогда, словно против его воли, из уст выпали проникновенные слова: – Господа судьи и господа присяжные заседатели!"

Образ судьи может быть охарактеризован в момент исполнения им его обязанностей, поэтому данный концепт связан с вопросами процессуального характера, ведения суда, вынесения решений, то есть, концепт "судья" связан с концептами "судебный процесс", "участники суда". Например, в романе Л. Н. Толстого "Воскресение" система правосудия изображена как глубоко формальный механизм, внешне презентабельный, а изнутри подчиняющийся своим собственным устоям. Четкость и реализм описания автором всех этапов процедуры, эпизодов допросов свидетелей, чтения врачебных заключений, обвинительного акта, перемежаются в романе с эпизодами, сводящими на нет внешне помпезную торжественность происходящего, вскрывая его подлинную сущность. Это – один из приемов, используемых Толстым в своем произведении для формирования соответствующего представления. Например, перечисляя положенные председателю суда действия, писатель вводит элемент, который стилистически или концептуально не вписывается в ход происходящего: "Началась обычная процедура: перечисление присяжных заседателей, рассуждение о неявившихся, наложение на них штрафов и решение о тех, которые отпрашивались, и пополнение неявившихся запасными. Потом председатель сложил билетики, вложил их в стеклянную вазу и стал, немного

засучив шитые рукава мундира и обнажив сильно поросшие волосами руки, с жестами фокусника, вынимать по одному билету, раскатывать и читать их. Потом председатель спустил рукава и предложил священнику привести заседателей к присяге”. Обратим внимание, что необходимые председателю суда действия выражены рядом однородных отглагольных существительных, а не глаголов, он выполняет их как рутину, без интереса. Глаголы, как непосредственные выражение действия, появляются, когда необходимо сделать совсем не относящееся к суду – сложить билеты, развернуть билеты и пр. Кроме того, дополнительные ассоциации формируются и на основе игры слов с соответствующими образными выражениями “засучить рукава” (активно заняться работой) и “спустить рукава” (отклоняться от работы). Внимание читателей обращено на то, чем в действительности занят председатель.

Еще один прием Толстого, который нам хотелось бы прокомментировать – это акцентирование явного противоречия между внешними поступками людей и побуждениями к ним, объяснение их мотивации. Такой прием демонстрирует сущность явления, а не его внешние признаки. Например, говоря о товарище прокурора, Толстой замечает: “И товарищ прокурора тотчас же снял локоть с конторки и стал записывать что-то. В действительности он ничего не записывал, а только обводил пером буквы своей записки, но он видал, как прокуроры и адвокаты это делают: после ловкого вопроса вписывают в свою речь ремарку, которая должна сокрушить противника”.

Толстой также предлагает авторский комментарий к словам и действиям персонажей, который показывает их истинную причину. Так, во время допроса Масловой на суде, председатель не слушал все то, о чем говорила обвиняемая, он “шептался в это время с членом налево”, “но для того, чтобы показать, что он все слышал, он повторил ее последние слова” в форме вопроса. Использование подобных приемов способствуют формированию у читателей соответствующего отношения к системе правосудия, представляющей собой бездушный и формальный механизм, а его действия – это “никому не нужная комедия”. Даже ее представители выглядят безлично, в романе они названы не по именам, а просто “председатель”, “товарищ прокурора”, “член налево”, “мрачный член суда” и пр., а также иногда названы фигурами. Образы обвиняемых, показанные Толстым, подтверждают такой вывод. Мы видим, к примеру, людей, предстающих перед судом за ничтожные провинности и правонарушения – мальчика, укравшего никому не нужные половики, крестьян с просроченными документами, мужика, срубившего в лесу Нехлюдова две березы. Против таких людей направлена вся мощь судебной-исполнительной аппаратуры России указанного периода. У читателя формируется соответствующее отношение – система правосудия, учрежденная и поддерживаемая людьми высшего класса, а именно такие люди ее представляют (вспомним перечисление присяжных и их социального статуса перед судом Масловой), является противоестественной. Толстой с помощью размышлений Нехлюдова ведет к выводу о нецелесообразности и неэффективности суда одних людей над другими: “То же, что теперь делается, и жестоко, и не только

нецелесообразно, но до такой степени глупо, что нельзя понять, как могут душевно здоровые люди участвовать в таком нелепом и жестоком деле как уголовный суд”, – пишет он.

Честность и моральность людей, занятых в системе правосудия, также подвергается сомнению. В романе, например, из уст некоторых героев передаются восторженные слова о “гениальном” адвокате, сумевшем повернуть дело так, что одна старая барыня, хоть и была совершенно права, должна заплатить противной стороне большие деньги. Честным считается человек, не берущий мелких взяток, но выбивающий для себя льготные аренды, прогоны, подъемные (образ сенатора Вольфа). В уста адвоката Фанарина Толстой вкладывает циничные, но очень похожие на правду слова о том, что люди, работающие в суде, думают лишь о возможности набивать карманы, благодаря своей должности.

И если учрежденная в государстве система правосудия неэффективна и безнравственна, то, как же, по Толстому, должен вершиться суд над человеком, совершившим преступление? Что или кто вынесет справедливую и законную оценку его деянию, каким будет его наказание? На эти вопросы предлагает ответ само развитие романа, в котором изображен процесс нравственного преображения его главного героя – Нехлюдова. Процесс этот проходил постепенно, начинаясь с неприятных воспоминаний о совершенном и безнаказанно прошедшем проступке, продолжаясь в сомнениях, прерываемых просветленным чувством и сознанием правильности принятого решения добровольно понести заслуженное наказание. Этот процесс назван писателем воскресением, духовным возрождением, и в данном случае его переживают и сам преступник, и его жертва. Толстой прибегает к приему описания душевного состояния Нехлюдова, объятых вначале чувством неловкости, вины, страха быть уличенным. Затем им овладевают противоречивые чувства – желание искупить вину и сомнения в целесообразности этого (взаимосвязь с концептом “вина”). И далее процесс переходит в стадию, когда Нехлюдов все более и более убеждается в правильности выбранного решения идти до конца по пути искупления. Катюша Маслова также возрождается к новой духовной жизни, несмотря на условия каторги. Описание жизни, условий содержания каторжан, отношения к ним, приводит к мысли, что такой способ исправления также неэффективен. Люди живут в скотских условиях, запертые, лишены свободы и возможности работать. Все это, по Толстому, аморально, совершенно не способствует исправлению и не порождает ничего, кроме зла и разврата. Он демонстрирует это на примерах судебных многих каторжан, рассказывая вкратце об их жизни, либо с помощью описания отдельных характерных эпизодов. Подобные размышления проходят и в голове Нехлюдова, увидевшего систему воочию. На основе мучительных, постоянных переживаний и мыслей, поисков ответа о разумности лишения человека свободы, Нехлюдов приходит к выводу о справедливости евангельских постулатов о великой мощи прощения и любви: “Нехлюдов понял теперь, что общество и порядок вообще существуют не

потому, что есть эти узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что несмотря на такое развращение, люди все-таки жалеют и любят друг друга”. Не могут одни аморальные люди, а такие в основном и составляют систему, судить других аморальных людей: “Ответ, который он не мог найти, – пишет Толстой о Нехлюдове, – был тот самый, который дал Христос Петру: он состоял в том, чтобы прощать всегда, все, бесконечное число раз прощать, потому что нет таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять”. Отрицая сам, убедительно подводя читателя к отрицанию системы правосудия, Толстой делает вывод о единственной справедливости и законности, т.е., о правосудии, которое в руках Бога. Вследствие этого, нам представляется, что обе составляющие значения слова “правосудие” и соответствующего концепта одинаково важны в идейно-художественной структуре романа. Правосудия невозможно добиться среди людей. Правым судом может быть только Божий суд.

В структуре романа Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” из его шести частей лишь первая посвящена преступлению Раскольникова. В эпилоге мы узнаем о судьбе главного героя, отбывающего 8 лет каторги за совершенное преступление. Основная часть романа – развитие сюжета, описание мыслей и душевных терзаний героев свидетельствует о наказании внутреннем, душевном, нравственном. Слова, с помощью которых передано то, как понимают наказание герои романа – казнь, кара, страдание, искупление. В этих словах, по-видимому, заключена и сама концепция романа Достоевского – наказание через внутреннее страдание и искупление через страдание. Приведем несколько примеров из романа. Совершив убийство, мучаясь бредом, еще в самом начале Раскольников думает про себя: “Что, неужели это уж казнь наступает? Вон, вон, так и есть!”. Когда Соня в разговоре с Раскольниковым пытается убедить его призваться, она говорит о необходимости принять страдание, то есть, именно так она видит истинное наказание и избавление от греха. “Страдание принять и искупить себя им, вот, что надо”. Так же, только несколько цинично, рассматривает наказание для Раскольникова и Порфирий Петрович, который, видя его внутреннюю сущность, убеждая его прийти с повинной, говорит: “Сами еще за час знать не будете, что придете с повинной. Я даже вот уверен, что вы страдание надумаете принять <...>. Потому страдание, Родион Романович, великая вещь”. Суд, наказание, как видно из романа “Преступление и наказание”, должно происходить внутри самого человека. Самонаказание, самопокарание и страдание, по Достоевскому, выходит более действенным, ведущим к исправлению человека через внутреннее осознание им вины, чем суд и наказание юридическое.

Концепт “наказание”, в свою очередь, связан с представлением об исполнении наказания. Многие произведения русской литературы поднимают эту тему, формируя гуманистическое ее понимание (“Воскресение”, “После бала” и “Не могу молчать!” Л. Н. Толстого, “Записки из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского, “Механическое правосудие” А. И. Куприна, “Рассказ о семи повешенных”

Л. Андреева, “Остров Сахалин” А. П. Чехова, “История моего современника” В. Г. Короленко и др.). Исполнение наказания, состоящее в лишении свободы, насильственная работа, содержание человека в нечеловеческих условиях, как следует из этих произведений, не исправляют преступника. Они “не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие”, – пишет Достоевский в “Записках из Мертвого дома”. Эмоционально гневно выступил Л. Н. Толстой и против массового применения смертной казни в своей статье “Не могу молчать!”. Массовые казни простого населения, по мнению писателя, это “злодейства”, “развращение”, “мучительство” и пр. Смертная казнь, применяемая властями в массовом порядке, несоизмеримы с преступлениями казнимых, как несоизмеримы они с человечностью, нравственностью и простой юридической достаточностью. Даже говоря о террористах, Толстой заявляет, что “как ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно-систематически жестоки, как ваши Шлиссельбурги, каторги, виселицы, расстрелы”. Наказывать других смертной казнью, по Толстому, также преступно, как и неправильно одним людям судить других людей.

Важной представляется и взаимосвязь концептов исполнения наказания и личности палача. Ситуация, когда исполнение наказания дает власть одному человеку над другим, как следует из произведений русской литературы, нравственно уродует их обоих. В “Записках из Мертвого дома” через образы майора Смекалкина и поручика Жеребятникова Достоевский ясно выражает свое отношение к возможности одного человека наказывать другого. Садистские проявления этих типов автор саркастически называет “искусством”, “наслаждением”, а их любимые реплики “Не я наказую, закон!” доказывают крайнюю степень их цинизма.

Описание преступлений, следствием которых стал суд, в принципе, в анализируемых произведениях занимает незначительное место. Как правило, происходит констатация факта преступления, за исключением, пожалуй, рассказа И. Бунина “Дело корнета Елагина”, в котором преступление – убийство артистки – воссоздано в подробностях, как требует избранная писателем форма рассказа. Подробно описано и преступление Раскольникова. В целом же, преступления лишь названы, более подробно описаны суд, внутренняя жизнь героев, из действия и пр. Умышленное убийство Раскольникова, сомнительное ограбление Катюши Масловой, терроризм в “Рассказе о семи повешенных” Л. Андреева о казни пятерых молодых террористов скорее вызывают у читателя чувство сочувствия к ним, нежели желания справедливого им наказания. При этом обращает на себя внимание преступность представителей власти, которых юридически нельзя привлечь к ответственности за судебную ошибку (“Воскресение”), массовые казни (“Не могу молчать!”), преступные приказы расстреливать демонстрацию (“Губернатор” Л. Андреева) и пр. При этом многие герои этих произведений терпят наказание внутри себя, а многие потеряли человеческий облик настолько, что вряд ли законы гуманизма применимы к ним.

Проанализировав взаимосвязи концепта “суд” и логически связанных с ним концептов, проявляющиеся в произведениях художественной литературы конца XIX – начала XX века, приходим к выводу о том, что такая взаимосвязь в русской литературе имеет свою специфику. Помимо привычных, характерных для традиционного представления связей “суд”, “преступление”, “наказание” и пр., в произведениях русских писателей отчетливо прослеживаются связи концептов “суд” и “страдание”, “вина”; “личность исполняющего наказание, палача”, “искупление”. Можно утверждать, что такие обнаруженные связи и составляют национальную специфику концепта “суд” в его взаимосвязях с другими концептами. Учитывая богатство и разнообразие художественной литературы, посвященной данной теме, перспективы дальнейшего изучения подобных взаимосвязей концептов являются весьма плодотворными.

Литература

1. Бубнова И. А. Значение слова как единица индивидуального сознания : психолингвистический аспект / И. А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 13–20.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2005. – 736 с.
3. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.

Аннотация

На примере анализа тех произведений русской литературы конца XIX – начала XX века, в которых изображен суд, в статье демонстрируется традиционная взаимосвязь концептов *суд, правосудие, преступление, наказание, вина* и выявлены национальные особенности данных концептов, проявляющиеся во взаимосвязи концептов *суд* с концептами *страдание, покаяние, искупление, личность исполнителя наказания*.

Ключевые слова: концепт, суд, правосудие, наказание.

Анотація

На прикладі аналізу тих творів російської літератури кінця XIX – початку XX століття, де зображений суд, у статті просліджується традиційний взаємозв'язок концептів *суд, правосуддя, злочин, покарання, провина*, а також висвітлені національні особливості вказаних концептів, які проявилися у взаємозв'язку концепту *суд* з концептами *страждання, каяття, спокута, особистість виконувача покарання*.

Ключові слова: концепт, суд, правосуддя, покарання.

Summary

On the basis of the analysis of those pieces of Russian Literature of the end of XIX – the beginning of the XXth centuries in which court is depicted, the article shows traditional peculiarities in the interconnection of the concepts “court”, “justice”, “punishment”, “crime”, “guilt” and reveals the national characteristics in the interconnections of the concepts “court” with the concepts “suffering”, “redemption”, “repentance”, “personality of an executor”.

Keywords: concept, trial, justice, punishment.